

Е. Л. Сараева

Оценка российскими либералами правительственного курса 80-х гг. XIX в. и позиции земства

В статье дан анализ взглядов российских либералов, членов кадетской партии, на исторический контекст земского движения в 80-е гг. XIX в., когда властью были предприняты попытки изменить вектор движения страны. Выявлены представления либералов о земстве как форме общественной деятельности, направленной на создание гражданского общества, повышение уровня грамотности народа, защиту прав населения. Автор проанализировала специфику либерального дискурса о земском самоуправлении как альтернативе развития России. Представлены взгляды либералов на раскол русского общества, реконструированы их мнения о типах личности того времени («старозаветное дворянство», «старозаветное купечество», «модернизированное купечество», либерально мыслящая интеллигенция), на формы общественной жизни (печать, общественные организации, банкеты, земское самоуправление). В оценках либералами правительственного курса автор акцентировала внимание на характеристике ими целей, различий в правительственных проектах и изданных законах. Охарактеризована позиция либерально мыслящей интеллигенции в 80-е гг.: формирование гражданского общества, защита Великих реформ – «спасение» всего от самодержавия. Доказывается, что просвещенная интеллигенция того времени отстаивала принципы общественного самоуправления – выборности, всеобщности, самостоятельности. Показано, что будущее России либералы связывали с развитием просвещения, науки, искусства, культуры, права, общественного самоуправления. Доказывается, что либералы были сторонниками «социальной эволюции» – стирания сословных границ, когда все должны иметь общие гражданские права.

Ключевые слова: история России пореформенного периода, земство, земские деятели, общественное самоуправление, российские либералы начала XX в., император Александр III, граф Д. А. Толстой, А. А. Кизеветтер, В. А. Маклаков, В. И. Вернадский, политика контрреформ Александра III.

E. L. Saraeva

Russian Liberals' Estimation of Government Policy in 80-s of the 19th century and Position of Zemstvo

In the article the analysis of the Russian liberals' views, members of a cadet party, on the historical context of the territorial movement in the eighties of the 19th century when the power made attempts to change a vector of movement of the country. Here are revealed ideas of liberals about zemstvo as a form of the public work directed to creation of civil society, increase the level of literacy of people, protection of the population's rights. The author analysed specificity of a liberal discourse about territorial self-government as an alternative of development of Russia. Liberals' views at the split of the Russian society are provided, their opinions on types of the identity of that time («the conservative nobility», «conservative merchants», «the modernized merchants», liberally thinking intellectuals), on forms of public life (mass media, public organizations, banquets, territorial self-government) are presented. In liberals' estimates of the government policy the author focused attention on the characteristic by them of the purposes, distinctions in government projects and the issued laws. The position of liberally thinking intellectuals in 80-s is characterized: formation of civil society, protection of Great reforms – «rescue» everything what is possible from autocracy. It is proved that the educated intellectuals of that time defended the principles of public self-government – selectivity, all social classes, independence. It is shown that liberals connected the future of Russia with development of education, science, art, culture, the right, public self-government. It is proved that liberals were supporters of «social evolution» – deleting of class borders when all should have the common civil laws.

Keywords: history of Russia of the post-reform period, zemstvo, territorial figures, public self-government, Russian liberals of the beginning of the 20th century, Emperor Alexander III, Count D. A. Tolstoy, A. A. Kizevetter, V. A. Maklakov, V. I. Vernadsky, Alexander III's politics of counterreforms.

В отечественной исторической литературе последних десятилетий предпринимается попытка пересмотреть оценки 80-х гг. XIX в. как периода реакции в российской истории. Эта характеристика курса Александра III принадлежала его современникам. Необходимо изучить их взгляды на эпоху 80-х гг., выявить их идейно-ценностные позиции, представления о путях эволюции России, чтобы определить адекватность данной ими

оценки программы российского самодержавия того времени.

Современные исследователи уделяют значительное внимание изучению земской альтернативы цивилизационного развития России в пореформенный и позднеимперский период [1]. Одна из составляющих этой проблематики – взгляд современников на роль земства в модернизации страны. Российские либералы начала XX в. предприняли попытку осмысления трансформации

российского общества со времени Великих реформ. Их оценки этого процесса представляют интерес для исторической науки, поскольку, во-первых, либералы были его современниками, активными участниками общественной жизни; во-вторых, они характеризовали его в системе гуманистических, общечеловеческих ценностей; в-третьих, они имели развитое национальное самосознание, а высокий уровень их политической рефлексии – условие глубокого анализа тенденций движения России. В. И. Вернадский, А. А. Кизеветтер, В. А. Маклаков, в начале XX в. видные деятели кадетской партии, в 80-е гг. принадлежали к поколению студентов столичных вузов. Уже в те годы они связывали конституционное развитие России с общественным самоуправлением.

Российские либералы выступали за реформирование социально-политических отношений в стране на основе прав человека, расширения общественного самоуправления. Они верили в преобразующую силу просвещения, науки, искусства, культуры. По мнению либералов, в России пореформенного периода преобразования в социальной сфере шли медленно. Общественные группы были ориентированы на разные ценности, неодинаково реагируя на правительственную политику. Даже через двадцать лет после отмены крепостного права некоторые слои общества, как писал А. А. Кизеветтер, сохраняли в своей жизни «первобытные» черты [2, с. 23]. А. А. Кизеветтер выделял «ретроградные» [2, с. 122] социальные группы – «старозаветное дворянство» и «старозаветное купечество». Однако они уже не претендовали на дирижирующую роль в социуме, отмечал он [2, с. 23]. Их консерватизм, считал Кизеветтер, проявлялся в крепости «старинных форм барской жизни» [2, с. 24]. Но «старозаветное дворянство» не смотрело на себя как на «музейное украшение» общества, оно подавало свой голос в дворянских собраниях, салонах и гостиных [2, с. 24]. Будучи оппонентом реформ, оно чувствовало себя уверенно, «беспрекословно» открывало «неограниченный кредит» власти, что усиливало позиции монархии. Оно рассматривало общественное самоуправление как чужеродный элемент жизни.

Либеральные реформы Александра II А. А. Кизеветтер назвал «заманчивыми надеждами» просвещенных людей, «иным ветром» [2, с. 24]. В 70–80-е гг. вырабатывались новые типы личности, среди которых были такие, как «новый купец» и умеренно либерально мыслящая интеллигенция [2, с. 24, 122]. В середине 80-х гг. «новый купец» как тип «только еще выплывал-

ся...» [2, с. 24]. А. А. Кизеветтер назвал его «модернизированным купечеством» [2, с. 24]. В последние десятилетия XIX в., как он свидетельствовал, передовая интеллигенция обладала высоким авторитетом в наиболее образованных слоях общества, но эта «социальная сфера не была широкой» [2, с. 25]. Итак, либералы связывали инновации в развитии России с интеллигенцией и «модернизированным купечеством». Они заявляли о своих интересах в печатных изданиях, салонах, гостиных, органах общественного самоуправления.

В начале 1880-х гг. правительство разгромило революционное подполье. Мирное конституционное развитие России либералы, как свидетельствовал Кизеветтер, связывали с «широким развитием общественной самостоятельности и самоуправлением». Эту мысль высказал еще Б. Н. Чичерин при избрании его городским головой в Москве. Эта позиция известного профессора была благонадежной, однако «правительственная власть боялась тогда как огня развития общественной самостоятельности, даже подполье казалось ей не столь страшным, ибо с подпольем она уже наловчилась бороться» [2, с. 26]. Власть самым решительным образом пресекала даже «невинные проявления политической мысли» [2, с. 26].

Основными формами общественных выступлений в 80-е гг. были редкие публичные выступления профессоров, статьи в независимых изданиях, заседания Юридического общества при Московском университете, сыгравшие значительную роль в распространении конституционных идей, общественное самоуправление, юбилейные банкеты. Образованным, либерально мыслящим людям этих форм независимой общественной деятельности было недостаточно, поскольку они понимали, что словами не сокрушить стен самодержавия [2, с. 32–33]. У «мыслящей интеллигенции» было ощущение «тяжелой придавленности, какой-то никчемности существования, суженности жизненного пространства» [2, с. 33].

Либералы были убеждены, что прогрессивное развитие России связано с общественной инициативой, самостоятельностью и самоуправлением, расширением правового поля [2, с. 120]. Деятельность земства в интересах народа, полагали они, является альтернативным вариантом модернизации (в современной терминологии) России. Высоко ценя науку и искусство, они понимали значимость развития народного образования – фундамента нововременной цивилизации. В. И. Вернадский писал в 1888 г., что необходимо «стремиться расширять образование и глубже

заставлять проникать его в народные массы...» [4, с. 62]. Реально проблему народного образования решало земство. В дневнике от 11 мая 1884 г. Вернадский представил мнение мыслящих современников о том, что литература, высокая культура должны быть доступны народу, веками лишенному возможности учиться: «Необходимость народной литературы чувствуется всеми нами. Только тогда, когда то, что добыто трудом многих, станет добычей всех, только тогда возможно наилучшее развитие масс» [4, с. 37]. Вопрос о преодолении культурной пропасти между образованным меньшинством и народной массой был одним из самых обсуждаемых в русской мысли XIX в. Создание и деятельность земства в значительной степени было обусловлено необходимостью приобщения народа к грамотности, книгам. Культурная элита считала, что «школ у нас меньше, чем требуется; огромное большинство детей школьного возраста не имеют, где учиться; выходят из школ с разным запасом знаний, и многие, даже может быть большинство, за неимением книг забывают грамоту...» [4, с. 37]. Именно поэтому образованные «люди либерального направления» были заинтересованы в сохранении земских учреждений.

Определяя главную причину обращения власти к политике контрреформ, В. А. Маклаков писал, что министры Александра III, защищая самодержавие, не воспринимали даже дух Великих реформ: «Трагедия России была в том, что самодержавная власть стала бороться тогда не с Революцией, в чем была обязанность всякой государственной власти, не с конституцией, которую тогда никто открыто не требовал, а с самым духом Великих Реформ 60-х годов, которые могли и должны были в результате безболезненно привести к конституции» [3, с. 216]. По мнению Маклакова, реформы, расширявшие свободу общества, вели к конституции, поэтому правительство Александра III негативно воспринимало преобразования шестидесятых годов.

Как отмечали авторы воспоминаний, общественная атмосфера в начале 80-х гг. менялась от «широкого и свободного» проявления «духа» в начале десятилетия к «прозябанию», «словно от русского общества отлетела способность душевного самовоспламенения» [2, с. 116–117]. А. А. Кизеветтер охарактеризовал 80-е гг. как «затишье», «зарю эпохи контрреформ», «реакционной бюрократии» [2, с. 97]. Он писал, что времена Дмитрия Толстого, министра внутренних дел в 1882–1889 гг., реакционеры воспринимали как праздник на своей улице, призванный положить конец бредням конституционалистов и сла-

вянофилов [2, с. 97, 124]. Выявляя общее в позиции консерваторов, Кизеветтер утверждал, что те не хотели мириться с уравниванием сословий, всесословным самоуправлением, независимым судом и судом присяжных, своеволием печати. Они мечтали положить предел «игре в земские губернские и уездные парламенты», «подавить всякую общественную самостоятельность» [2, с. 97]. Дворянство в эти годы усилило борьбу за свои сословные привилегии [2, с. 99]. Воззрение консерваторов М. А. Маклаков назвал «допотопным» [3, с. 36].

Дворянство, по мнению Кизеветтера, было серьезной силой, препятствовавшей реформированию общества на основе общечеловеческих идей, поскольку стремилось к «частичной реставрации порядков крепостной эпохи с ее резким разграничением сословных групп» [2, с. 104]. Дворянская программа входила в противоречие с «социальной эволюцией» (в терминологии А. А. Кизеветтера), содержание которой состояло в превращении «односторонних сословно-дворянских привилегий в общегражданские права, обуславливаемые общегражданскими повинностями» [2, с. 105]. Как свидетельствовали либералы, значительная часть дворян не только не восприняла идеи, легшие в основу Великих реформ, но в эпоху Александра III предприняла попытки изменить вектор движения, сориентировав его на свои сословные интересы. Согласно воспоминаниям современников, традиционалистские силы в 80-е гг. стремились перехватить инициативу выработки официального курса. А. А. Кизеветтер назвал эти планы консервативного дворянства «археологическими утопиями», считая, что они не могли войти в правительственную программу 80-х гг., как бы ни был расположен Александр III к этим стремлениям, поскольку власть понимала, что полного возврата к «николаевщине» (в терминологии М. Каткова) быть уже не могло. Власть лишь частично удовлетворила притязания дворян: поддержала их землевладение.

Как свидетельствовали современники, консерваторы не сами умерили свои желания изменить принципы, на основе которых существовало местное самоуправление, университеты, школы, печать, суды. Им оказали противодействие члены Государственного Совета, среди которых было немало проводников реформ шестидесятых годов. Кроме того, они опасались резонансных выступлений общественности в поддержку либеральных преобразований. Сравнивая первоначальные проекты с итоговыми законодательными актами, Кизеветтер отметил, что правительство, столкнувшись с оппозицией в Государственном совете, удовлетворило далеко не все требования консер-

вативных кругов дворянства [2, с. 110]. Он четко выявил отличия проекта Толстого – Пазухина от реформы земства 1890 г. Первоначальный проект предполагал подавление общественного самоуправления, установление неравенства гласных от различных сословий. *«По проекту Толстого все постановления земских собраний получали силу только в случае их утверждения губернатором; председатели земских управ должны были назначаться правительством. Таким образом, самостоятельность земских учреждения сводилась к нулю»* [2, с. 110]. Государственный совет отверг все положения проекта, противоречившие природе местного самоуправления. Кизеветтер оценивал Земское положение 1890 г. как *«шаг назад»* сравнительно с положением 1864 г., поскольку оно ограничивало самостоятельность земств и нарушало принцип равноправного и равномерного участия в местном самоуправлении разных сословий [2, с. 111].

«Реакционное», «полицейско-охранительное» (в терминологии А. А. Кизеветтера) направление в правительственной политике окончательно проявилось в 1884 г., когда *«было опубликовано высочайшее предписание председателям земских собраний не допускать к обсуждению на этих собраниях никаких вопросов, прямо не указанных в Земском положении»* [2, с. 98, 99, 100]. Тогда же министр внутренних дел получил право закрывать любой журнал. Был взят под контроль состав книг в общественных библиотеках. Правительство решилось на издание нового университетского устава, ставшего *«ярким симптомом общего направления правительственной политики»* [2, с. 101]. Этих шагов по ограничению свободы общества вполне достаточно, чтобы охарактеризовать 80-е гг. как период реакции, полагал Кизеветтер. Он отмечал, что к правительственному курсу Александра III *«прироста кличка» “политики контрреформ”*», данная современниками, поскольку он частично *реставрировал «старину»* [2, с. 112].

Одна из причин отхода от политики реформ в 80-е гг., считали либералы, – деятельность революционеров. В условиях *«революционного идеализма»* самодержавие остановило реформы, *«наступила реакция»*, писал Маклаков. *«Самодержавие приняло себя охранять “для блага народа” (Манифест Александра III); в этом было содержание политики последнего времени»* [3, с. 319], – так Маклаков оценивал смысл указов Александра III, в том числе устава университетов 1884 г. По мнению мемуариста, *«историческая власть»* в то время была еще сильной [3, с. 320]. Ей удалось заставить общество, если не забыть о

конституционных идеях, то перестать публично говорить о них.

Земским деятелям в 80-е гг. приходилось *«приспосабливаться»* к новым условиям жизни. Называя общественную атмосферу того времени *«затишьем»*, Кизеветтер отмечал невозможность свободного широкого развертывания мыслящим меньшинством своей независимой деятельности, приходилось принимать во внимание угрозы расправы над неугодными правящим кругам лицами. Маклаков писал, что *«...государственная власть этого времени могла обнаруживать и совершенно бессмысленную жестокость...»* [3, с. 138]. Рассказывая о судьбах репрессированных во времена Александра III, Маклаков привел мнение министра внутренних дел И. Н. Дурново о целях расправы: *«А сколько было раздавлено и по меньшим предлогам только, чтобы их «топугать», как об этом мне откровенно сказал Дурново! Это был наглядный урок для оценки нашего режима и понимания того, почему позднее у него не оказалось защитников»* [3, с. 138]. Власть ожидала от подданных преданности. Она боролась со свободой духа, с вольномыслием [3, с. 41]. Легальные проявления политической оппозиции были невозможны. Это сознавала интеллигенция, в том числе земские деятели. *«О каких-либо выступлениях земских собраний политического характера нечего было и помышлять»* [2, с. 114].

Духовная жизнь русского общества и в эти годы не представляла собой картину полного оцепенения, писал Кизеветтер. Шла в основном монотонная, спокойная работа земских деятелей, журналистов, публицистов, ученых [2, с. 112–113]. Однако если в земской среде конца 70-х гг. развивалась идея созыва выборных представителей от земств, создания общеземского союза, то в 80-е гг. ситуация изменилась: напрямую не излагая свои политические идеи, земские деятели противостояли *«ретроградным»* веяниям, играя свою роль в простом напоминании людям об их правах [2, с. 120–121]. Земцы не хотели сдавать свои позиции, защищая принципы общественного самоуправления, утверждал Кизеветтер: *«В среде земских деятелей традиции предшествующих десятилетий не только не замирали, но время от времени, – в меру возможности при наличных условиях, – прорывались наружу»* [2, с. 120]. Последняя волна принятия земскими собраниями резолюций политического характера прокатилась в 1882 г. В период министерства Дмитрия Толстого не было земских съездов. Земским деятелям приходилось вступать в диалог с консерваторами, например, обращаться к М. Н. Каткову с объяснениями, что общественное самоуправление не ве-

дет к ограничению влияния правительства на общественную жизнь [2, с. 102]. В. А. Маклаков писал, что молодые люди со студенческой скамьи усваивали мысль, что в России нельзя заниматься политикой [3, с. 101].

Споры о значении земства и принципах его деятельности возобновились в 1889 г., когда праздновалось 25-летие Положения о земских учреждениях. Ретроградная печать «дошла до последних пределов разнузданности в своих напаках на земские учреждения как на тайные притоны революционной крамолы» [2, с. 121]. Консерваторы стремились убедить правительство, что земские учреждения представляют собой легальные формы революционной деятельности. Цель этой критики – добиться изменения основ земского самоуправления.

В 80-е гг. земские деятели пытались отстоять основные принципы создания и деятельности земства – выборности, всесословности, самостоятельности в принятии решений. Но они в то время вынуждены были занимать выжидательную позицию, охарактеризованную Кизеветтером как тлевный искр под пеплом [2, с. 121].

На торжественных собраниях и банкетах по случаю юбилея в 1889 г. земская Россия ясно дала понять, что «непременным условием политического прогресса» является развитие «всесословного общественного самоуправления». «В особенности сильное впечатление было при этом произведено выступлениями некоторых заслуженных ветеранов земского дела. Такова была речь Шумахера в Петербурге и в еще большей мере сильная речь, сказанная бывшим московским городским головой князем Щербатовым на юбилейном обеде в Москве» [2, с. 121]. Земские деятели стремились не к конфронтации, а к сотрудничеству с правительством при условии понимания последним важности общественного самоуправления, так позднее представлял их позицию Кизеветтер. Они имели авторитет в социуме. Даже их редкие выступления в печати и на собраниях имели большой общественный резонанс, их идеи адекватно воспринимались независимо мыслящими людьми. Общественное самоуправление рассматривалось ими как реальная альтернатива движения России к демократии. Эта мысль укоренилась в сознании либерально мыслящего меньшинства, ожидавшего изменения условий общественной деятельности.

Несмотря на ограниченные возможности публичного самовыражения в 80-е гг., либерально мыслящие люди не отшатнулись от идеала свободы и справедливости, утверждали либералы: «Освободительные устремления вовсе не испари-

лись в то время без остатка из общественного сознания, они только временно изменили прежнюю форму своего выражения» [2, с. 117]. Подводя итог размышлениям о том, смогла ли правящая элита подчинить себе общество, Кизеветтер утверждал, что ей не удалось заставить либерально настроенную часть социума отказаться от своих идеалов. Правительство требовало от подданных благонамеренности, и «обывательская толпа» сориентировалась на требования власти, но «серьезная и действенная часть общества» [2, с. 119] продолжала исповедовать идею независимости и прав человека. Он писал: «Итак, не следует преувеличивать апатического равнодушия общества к вопросам государственной жизни и его готовности покорно соглашаться со всеми действиями власти в восьмидесятых годах XIX столетия» [2, с. 124].

Россия 80-х гг., по оценке Маклакова, была «молчащей», поскольку было опасно говорить на политические темы, требовать конституции. Но люди «либерального направления», как тогда называли сторонников реформ 60-х гг., хранили свои идеалы и ценности. Они «в себе ценили культуру и образованность» [3, с. 30]. Отрицательно относясь к революционным покушениям, они желали правопорядка. Их одушевляли идеи Великих реформ. «В это трудное время задачей той либеральной общественности, которая не изменила себе, стало спасать то, что еще можно было спасти, и от торжествующей реакции самодержавия и от малозаметного, но зарождавшегося уже тогда революционного «тоталитаризма». «Либералы» сами собой оказались опять на левых позициях, и в печати, и на тех постах общественной деятельности, которые реакцией еще не были уничтожены. Так шла эта “холодная” война...» [3, с. 31–32].

В общественном сознании 80-х гг. понятие «либерализм» ассоциировалось с идеей общественной инициативы и самоуправления, недопустимости всевластия одного начала, свидетельствовал В. А. Маклаков [3, с. 36–37]. Он писал, что в 80-е гг. большинство образованных людей мало интересовались политикой, поскольку устали от пережитого эмоционального состояния на рубеже 1870–1880-х гг. [3, с. 39–40]. Но мыслящие люди «либерального направления» старались «отстаивать то, что было добыто в 60-х годах» [3, с. 161]. Либералы не обвиняли «отцов» в «отсталости» и «трусости». Мы «с сочувствием следили за тем, как они работали в настоящих условиях...» [3, с. 161]. Интеллигенция вела борьбу «за демократию» против «идеологии Самодержавия», так оценил Маклаков противостояние

сторонников и противников реформ в 80-е гг. [3, с. 159].

Таким образом, анализ текстов либералов позволил выявить особенности их дискурса об историческом контексте общественного самоуправления в 1880-е гг. Они выделяли разные пласты общества и типы политической культуры в пореформенной России. Либералы обращали внимание на раскол социума, видя в его срезе «передовую» общественность, заинтересованную в продолжении реформ в интересах расширения свободы и защиты прав граждан, и «ретроградные» слои, не желавшие расставаться с привилегиями, лидирующим положением и возможностью влияния на власть. Если первые искали компромисса с правительством путем воздействия на него, убеждения в важности восприятия их мнения о базовых основах гражданского общества, то последние стремились ориентировать «хозяев» положения дел в стране на традиционные политические и социальные идеи российской власти, не проявляя озабоченности в связи с отсутствием диалога с оппозиционной интеллигенцией.

Восьмидесятые годы XIX в., по мнению либералов, не были благоприятными для деятельности земства. Не только правительство, но и влиятельные силы в обществе, прежде всего, консервативное дворянство и купечество, не связывали будущее России с расширением деятельности земства. Они охарактеризовали опасную попытку консерваторов пересмотреть принципы самоуправления: всесословности, самостоятельности, выборности. Период «затишья», «реакции» в 80-е гг., как называли его либералы, стал временем противостояния консерваторов и сторонников реформ на основе идей прав человека, всесословности. Не только земские деятели, но и многие члены Государственного совета, либерально мыслящая интеллигенция, используя легальные пути, отстаивали общественное самоуправление.

Для дискурса либералов был характерен сравнительный анализ политики 60-х и 80-х гг., сторонников и противников реформ, определение их систем ценностей, интересов власти и общества, что свидетельствует о высокой степени их рефлексии об идейно-ценностных основах разных моделей развития России. Общими элементами риторики либералов были понятия прав человека,

общественной инициативы и самодеятельности, всесословности, независимой деятельности личности. Они разделяли основные принципы земского самоуправления, связывая с его работой формирование гражданского общества как важнейшего направления движения России от традиционализма к конституционной модели политического устройства страны, к просвещению и благосостоянию народа. По мнению либералов, в 80-е гг. прогрессивно мыслящей интеллигенции своей монотонной работой в земских учреждениях, печати, университетах, школах удалось отстоять новую альтернативу развития России, закрепленную Великими реформами, однако у нее в те годы не было возможности повлиять на идеологию самодержавия, найти с ним компромисс. Имперско-самодержавная альтернатива движения страны оставалась в то время основной. Власть стремилась доминировать в выборе социально-политического курса.

Библиографический список

1. Волкова, Т. И. Российское земство и социокультурная модернизация страны в начале XX века (по материалам губерний Центральной России) [Текст] / Т. И. Волкова. – Ярославль : Издательское бюро «ВНД», 2012. – 228 с.
2. Кизеветтер, А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 [Текст] / А. А. Кизеветтер. – М. : Искусство, 1996. – 396 с.
3. Маклаков, В. А. Из воспоминаний [Текст] / В. А. Маклаков [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_m/maklak00.html
4. Страницы автобиографии В. И. Вернадского [Текст]. – М. : Наука, 1981. – 349 с.

Bibliograficheski spisok

1. Volkova, T. I. Rossijskoe zemstvo i sociokul'turnaja modernizacija strany v nachale XX veka (po materialam gubernij Central'noj Rossii) [Tekst] / T. I. Volkova. – Jaroslavl' : Izdatel'skoe bjuro «VND», 2012. – 228 s.
2. Kizevetter, A. A. Na rubezhe dvuh stoletij: Vospominanija 1881–1914 [Tekst] / A. A. Kizevetter. – M. : Iskustvo, 1996. – 396 s.
3. Maklakov, V. A. Iz vospominanij [Tekst] / V. A. Maklakov [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_m/maklak00.html
4. Stranicy avtobiografii V. I. Vernadskogo [Tekst]. – M. : Nauka, 1981. – 349 s.